

Моей красавице жене Джине
посвящается...

От автора

Прежде всего я хотел бы сказать об огромном множестве людей, которые помогали мне и поддерживали меня как в реализации этого проекта, так и в моей повседневной жизни в целом, — их слишком много, чтобы перечислить здесь всех. В первую очередь это моя чудесная жена Джина, которая терпела мои причуды и поддерживала меня в стремлении к исполнению этой мечты. Я также хотел бы поблагодарить других членов моей семьи за их помощь и слова ободрения, в особенности тех, которые стали моими первыми читателями и редакторами (да, Тереза, я упоминаю твое имя, как и обещал).

Но есть еще и большая группа людей в издательском деле, без которых этот проект невозможно было бы осуществить. Если этот роман окажется хоть сколько-нибудь успешным, это станет в большой степени заслугой моего редактора, издателя и друга Лу Ароники, который помог мне поднять мое творчество на новый, более высокий уровень. Спасибо тебе, Лу, за твоё терпение и мудрость!

Огромной благодарности заслуживают также мои агенты Дэнни Баррор и Хедер Баррор — за то, что рискнули связаться с никому не известным автором, а еще мой друг и деловой партнер Стэн Тремблей, который помог познакомить с романом «Пастух» широкий круг читателей.

Большое спасибо редактору рукописи Стивену Манчестеру, который осуществил необходимую шлифовку текста. Еще мне хотелось бы поблагодарить своих коллег-писателей, которые помогли мне встать на литературную стезю и отважно двинуться по ней в путь: Джереми Робинсона, Эндрю Гросса, Эйджея Хартли, Джеймса Скотта Белла, Карен Дионне, Джеймса Роллинса, Трэвиса Трэшера, Эндрю Петерсона, Стивена Джеймса, Д. Б. Хенсона, Джереми Бернса, Брайана Уилера и многих других. Я также хочу выразить свою благодарность Международной ассоциации авторов триллеров. Без МААТа, коллективных наставлений и мудрости ее членов я бы и близко не подошел к осуществлению своей мечты.

Большое спасибо также сотрудникам правоохранительных органов в целом, но в особенности тем, кто оказывал непосредственное содействие моей исследовательской работе, в том числе патрульным из штата Колорадо Тому Кирнсу, Дж. Р. Джонсону, специальному агенту по надзору из АТФ* Ричарду Чеко. Спасибо за предоставленные записи Рою Хейзелвуду, Стивену Дж. Мичоду, Джону Дугласу, Марку Олшейкеру, Питеру Вронски, Найджелу Кауторну и многим другим, кто помог мне получить представление о мыслительном процессе убийцы.

Я приношу извинения жителям Ашертона в штате Техас, чей городок я сначала сделал объектом литературного вымысла, а потом поджег.

Еще я хотел бы поблагодарить тех двоих людей, которые поддержали меня, когда я еще только собирался провести бесчисленные часы за работой по созданию этого романа, — и в первую очередь моего друга и собрата по литературному труду Брайана Уилера, заставившего меня поверить в себя и свои способности, а также мою бывшую

---

* АТФ — Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ — федеральное агентство Министерства юстиции США. — *Здесь и далее прим. пер.*

учительницу Нэнси Ванметер, постоянно твердившую мне: «Продолжай писать».

Я наверняка забыл упомянуть кого-то еще, кто оказал мне ту или иную помощь, поэтому я просто говорю спасибо всем этим незаметным героям. Уверен, те, кого я имею в виду, меня поняли. Не вижу ничего плохого в таком способе выражения благодарности — более того, вероятно, он и является наилучшим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТАДО

Глава I

Джим Морган смотрел, как отражение проблескового маячка патрульной машины пляшет в оконных стеклах расположенной на отшибе заправочной станции. Он напряг зрение, чтобы разглядеть внутренности здания за странными и зловещими тенями. Хотя в сообщении диспетчера упоминалось лишь об обычном ограблении, иррациональный, но всепоглощающий страх по какой-то причине проник на периферию его сознания. Он не смог бы объяснить, что его вызвало — инстинкт полицейского, интуиция, предчувствие, — но знал: что-то здесь не так. Он сделал глубокий вдох, а потом намеренно долгий выдох и, выйдя из автомобиля, не без усилия отогнал неприятное предчувствие.

Джим отметил про себя отсутствие на небе луны. Темнота казалась плотной, непроницаемой и бесконечной за пределами света, исходившего от патрульной машины, и его отражения в окнах заправки. Создавалось впечатление, что он оказался на самом краю мира и во всей вселенной больше ничего не существовало. Стоило ему перевести взгляд на заправку, как предчувствие снова им овладело.

Он не мог установить источник страха, и это еще больше его пугало. Для Джима наихудшей разновидностью страха был тот, у которого не было определения. Поддавшись беспокойству, он решил было позвонить домой, жене Эмили и их дочери, но, посмотрев на часы, передумал. Он не хотел их будить.

Его напарник Том Делейн спросил:

— С тобой все в порядке? Выглядишь так, словно кто-то помочился тебе в миску с кукурузными хлопьями.

— Я в норме. Давай покончим с этим делом. Мне уже давно пора спать, и я просто хочу поскорее вернуться домой.

Озабоченное выражение не исчезло с лица Тома, но он лишь кивнул и пошел к двери заправки. Ни один из них не достал оружие, поскольку из сообщения диспетчера они знали, что грабитель уже покинул место преступления. Тем не менее необходимо было составить положенный в таких случаях рапорт, да и работник заправки, как им показалось, уж очень торопил с помощью.

Когда они вошли, Джим уловил смутный запах чего-то знакомого, но не смог определить, чего именно. Он отогнал дурные мысли и сосредоточился на стоявшей перед ними задаче. Первым делом он оглядел помещение. Стойка с кассой была расположена у дальней стены параллельно двери. За ней сидел мужчина с темными волосами и холодными серыми глазами. Черная футболка плотно натянулась у него на груди, и под ней угадывалась хорошо развитая мускулатура. Мужчина молчал и лишь равнодушно смотрел на полицейских.

Когда их взгляды встретились, Джим инстинктивно переместил руку поближе к пистолету в висевшей на боку кобуре.

— Прекрасная сегодня ночь, не правда ли? — произнес наконец работник заправки. — Темнота просто... давит. Словно имеет вес.

Джим не мог понять логики заявления, в котором давящая темнота ассоциировалась с прекрасной ночью, и не стал бы доверять человеку, в чьем уме эти два понятия сочетались друг с другом. Но смысл высказывания, очевидно, остался не замеченным его напарником. Том лишь вскинул брови и медленно ответил:

— Хорошо. — И, помолчав, спросил: — Это вы сообщали об ограблении?

— Нет, — ответил мужчина. — Я сообщил об убийстве.

Услышав эти слова, Джим почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он положил руку на кобуру, но не стал доставать из нее полуавтоматический девятимиллиметровый «глок».

— Кто убит? — спросил Том.

Заправщик не ответил, и, хотя Джим не мог быть в этом уверен, ему показалось, что на лице мужчины мелькнула едва заметная ухмылка. Вместо ответа работник заправки подался вперед и перевел взгляд на один из проходов между полками с товаром. Джим проследил за его взглядом, и открывшаяся перед ним жуткая картина, застигнув его врасплох, обрушилась одновременно на все органы чувств.

Убитый лежал в конце прохода, раздетый догола. Кровь виднелась повсюду. Многочисленные порезы покрывали все его тело, но самые глубокие колотые раны были сосредоточены вокруг сердца, легких и половых органов. Глаза были выколоты.

Без дальнейших колебаний оба полицейских выхватили оружие и нацелили его на странного человека за стойкой. Том сделал шаг вперед и велел:

— Положите обе руки так, чтобы я мог их видеть.

Подозреваемый даже не попытался вынуть руки из-под стойки. Единственным его движением стало появление на лице улыбки или, скорее, зловещей ухмылки, в которой не было ни веселья, ни радости, ни тепла. Она была холодной и заставила Джима почувствовать себя мухой, попавшей в паутину.

Том сделал еще один шаг вперед и повторил приказ, но снова безрезультатно. Теперь он находился на расстоянии не более трех футов от стойки. Джим, наоборот, сделал шаг назад и хотел крикнуть Тому, что тот слишком приблизился к возможному убийце. Но мысль об этом исчезла, как только мужчина за стойкой заговорил спокойным, но в то же время повелительным тоном:

— Вам нравится? Это моя версия убийств, совершенных Андреем Чикатило, ростовским потрошителем из России. Вам, вероятно, о нем ничего не известно. Пока вам рассказывали истории о президентах Линкольне и Вашингтоне, я усваивал уроки, преподанные миру Джеком-потрошителем, Альбертом Фишем, Эдом Гейном и Зодиаком. И это только некоторые из почитаемых мною отцов-основателей. — Убийца быстро переводил взгляд с одного на другого. — Вы, парни, не узнаете меня, верно?

Том закричал с еще большей яростью:

— Мне плевать, кто вы... Просто поднимите обе руки за голову. Немедленно!

Убийца бросил на Тома совершенно невозмутимый взгляд и сказал:

— Вы могли бы проявить ко мне немного больше уважения. В конце концов, я своего рода знаменитость. Моя фамилия Акерман.

Джим почувствовал, как у него снова перехватило дыхание. Едва увидев мужчину, он подумал, что его лицо ему смутно знакомо. Теперь же, когда его мозг лихорадочно заработал, он понял почему. Он видел лицо этого человека по телевизору в двухчасовой специальной программе на одном из новостных телеканалов. Джим постарался вспомнить название программы — что-то вроде «Эксперимента с безумием». Точное название он забыл, но помнил описание самого мужчины и его чудовищных преступлений. В телепередаче показали монстра, которого могла породить лишь фантазия самых изощренных сценаристов Голливуда, но никак не человека из плоти и крови, существовавшего в реальной жизни.

Том снова повторил свой ультиматум, но на этот раз произнес слова мягче, словно уговаривая душевнобольного прекратить сопротивление и сдаться.

— Поднимите свои руки так, чтобы я мог их видеть. Я сосчитаю до трех, а потом...

— На вашем месте я бы не стал совершать поспешных поступков, офицер. Если не будете осторожны, я выстрелю и разнесу моей маленькой заложнице ее хорошенькую мордашку.

— Какой заложнице?

Акерман перевел взгляд с Тома на Джима.

— Той, что сидит под этой стойкой. Мой обрез приставлен к ее правому виску. Я ее как следует изуродую, уж поверьте мне на слово. Мне приходилось такое видеть. Не слишком приятное зрелище. И я прекрасно знаю, о чем вы думаете. Вы считаете, что я блефую. — Он снова повернулся к Тому. — А еще вы думаете, что, даже если я говорю правду, вы сможете всадить мне пулю между глаз до того, как я выстрелю. Но это станет вашей ошибкой. Мой палец лежит на спуске, и как только ваш кусок свинца ударит в меня, мои мышцы среагируют, и ее голова размажется по внутренней части стойки. А потому, джентльмены, мне кажется, что у нас возникло мексиканское противостояние. — Акерман глубоко вдохнул и продолжил своим медоточивым тоном:

— Ну разве не забавно? День у вас обоих начался, как и любой другой. Вы поцеловали на прощание любимых, насладились чашечкой кофе, может, пролистали утреннюю газету, но даже не подозревали, что сегодняшний день станет самым важным в вашей жизни. Сегодня тот день, когда сбудется или разрушится все, о чем вы говорили или что делали, все, за что выступали или во что верили. В какой-то момент нам всем приходится выбирать, стать ли героем, злодеем или отойти в сторону, оставшись одной из овец. Это один из таких моментов, джентльмены.

Я предоставлю вам обоим возможность выбрать. Вы можете сейчас же уйти отсюда и продолжать жить как ни в чем не бывало. Может, за стойкой есть заложница, которую я безжалостно пристрелю, как только вы выйдете в ту дверь, а может, и нет. Вы можете поймать меня и прославиться, а можете умереть при попытке это сделать. Вы ни в чем не можете быть уверены, но в том-то и заключается вся пре-

лесть этой ситуации, верно? Ни в чем нет смысла.

Добро не торжествует над злом. Есть только случайность и смерть. Вам не повезло, когда вы ответили на этот вызов. А джентльмену, лежащему в проходе, не повезло сегодня дежурить. Нам всем нравится считать себя чертовски развитыми, гораздо лучше и умнее остальных представителей животного мира. Но знаете что? — Акерман оглядел обоих мужчин так, словно был голодным зверем, а они должны стать его ужином, потом понизил голос. — В конечном счете, какими бы иллюзиями собственного величия мы себя ни ослепляли, мы все либо охотники, либо предмет охоты, либо хищники, либо добыча. Жизнь, джентльмены, — это одна большая игра. Победители выживают, а проигравшие гниют заживо. Выбор, который мы каждый раз делаем, определяет нашу судьбу... Итак, делайте свой выбор.

Джим стоял в напряженной позе, повергнутый в транс безумцем, расположившимся за стойкой. Акерман произнес свою речь со страстью, словно был политическим деятелем, выступавшим перед избирателями и отстаивавшим самые благородные цели. Джим никогда прежде не видел, чтобы человек, на которого были нацелены два пистолета, оставался к этому совершенно равнодушным. Он ничего не боялся. Страх был так же неведом Акерману, как представление о самолете неандертальцу. Более того, этот человек, похоже, считал, что полностью контролирует ситуацию. Несмотря на пистолет в руке, осознание этого заставило Джима почувствовать себя совершенно незащищенным.

Голос Тома стал хриплым, в нем отчетливо слышалась дрожь.

— Нет никакой заложницы, — сказал он. — На заправке нет других машин. Так что поднимите руки, чтобы я их видел, или, клянусь богом, я действительно всажу вам пулю точно между глаз.

Джима заявление Тома не убедило, как не подействовало оно и на Акермана. Он понимал, что Акерман, ско-